

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.5387>

Дата подачи статьи: 14 декабря 2019 г.

Дата принятия к печати: 8 марта 2020 г.

ИДЕЯ ПРОСТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Elena Janczuk

Uniwersytet Warszawski, Polska

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>E-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Аннотация: В данной статье рассматривается идея простора как феномена экзистенциально-эстетического порядка. В работах, посвященных творчеству М. Цветаевой, простор не был предметом специального изучения, хотя идея простора занимала поэта, а образы простора также представлены в значительном объеме как в ее прозе, так и в поэзии. В статье прослеживаются способы и направления расширения значения понятия простор в творчестве Цветаевой. Идея простора не была объектом специальной рефлексии поэта, однако простор становится достаточно прочной характеристикой пространства жизни и пространства смерти, простор она находила в действиях и предметах, в людях и отношениях с людьми, в себе самой, что давало ей возможность – в том числе, через простор – вступить в отношения со сферой, находящейся за границей действительности, со сферой метафизического.

Ключевые слова: Марина Цветаева, пространство, простор, горизонталь, вертикаль

Submitted on December 14, 2019

Accepted on March 8, 2020

THE NOTION OF EXPANSE IN THE WORKS OF MARINA TSVETAEVA

Elena Yantchuk

University of Warsaw, Poland

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5535-3207>

E-mail: e.janchuk@uw.edu.pl

Abstract: An expanse, as an existential-aesthetic phenomenon, is almost unexplored in fact. It is also not considered as a subject of special study in works on the poetry of M. Tsvetaeva, although she was interested in the idea of expanse very much and the images of expanse are represented in her poetry and prose in a significant number. In the article, the directions and areas of a wider interpretation of the notion of expanse in the works of Marina Tsvetaeva are designated. The idea of expanse was not the object of the poet's special reflection. But it is a frequently encountered characteristic of the space of life and the space of death, as both were described in her poetry and prose. She could find an expanse in actions and objects, in people and relationships with them, in herself. And through that vision of absolute expanse, she could communicate with the transcendental and metaphysical spheres.

Keywords: Marina Tsvetaeva, space, expanse (prostor), horizontal, vertical

Идею формирования русского характера под влиянием бескрайних российских просторов исследователи Ирина Левонтина и Алексей Шмелев относят к числу банальных и избитых, что нередко «мешает вдуматься в их смысл»:

Тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры. Она не только часто возникает в русских художественных и философских текстах, но и является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере [Левонтина, Шмелев 2012, 35].

Однако, по словам Сергея Лишаева, простор как феномен экзистенциально-эстетического порядка остается практически неисследованным [Лишаев 2010, 54]. В работах, посвященных творчеству Цветаевой, насколько мне известно, простор также не был предметом специального изучения, хотя

идея простора занимала поэта, а образы простора также представлены в значительном объеме как в ее прозе, так и в поэзии¹. Цветаева призналась в письме Борису Пастернаку: «Я не понимаю времени, я понимаю только Пространство» [СС6, 239]. Категория пространства, по всей видимости, не достаточно точно отражала стремление поэта к безмерности, на что, в частности, указывает оставленное в рабочих тетрадах замечание: «Я не рассчитана на вершки и на секунды. Я рассчитана на большие пространства и сроки. Где она – мера моей безмерности!» [НСТ, 178].

«Пространство» в определенной степени было понято, освоено, к данной лексеме Цветаева обращается реже (по нашим наблюдениям – 81 раз), чем к «простору», который отражает любимое поэтом значение безмерности, включающее семантику «пространства», однако уточняющее его: это, прежде всего, «свободное, не стеснённое ничем пространство» [Ушаков 2012, online]. Частотность употребления словоформы «простор» также иная – 196 раз, с учетом статистической погрешности – почти в два с половиной раза превышает употребление словоформы «пространство». При таком объеме материала могут представлять интерес способы и направления расширения значения понятия простор в творчестве² Цветаевой, которые и будут представлены в статье.

Несколько слов о самом понятии простора. В отличие от пространства, которое указывает на протяженность как таковую, слово «простор», вслед за В. Вейдле, можно отнести к числу непереводаемых и мало понятных иностранцу, «лингвоспецифичных» [Левонтина, Шмелев 2012, 36] явлений, имеющих, как указывает С. Лишаев, «ярко выраженную эмоционально-эстетическую окраску,

---

¹ В настоящей статье использован языковой материал стихов, поэм, лирической, дневниковой прозы, писем поэта. Художественные и интимные тексты в творчестве Цветаевой тесно связывает категория автобиографизма, которая, по словам Эдварда Касперского, предполагает включение автором собственного опыта и переживаний в материал произведения в характере предмета, а не творческого метода. Автобиографизм является одной из форм авторской образно-творческой игры, которая объединяет высказывания при наличии двух условий: текст связан с описанием жизни личности и ей же продуцируется (ср. Kasperski 2001, 10–11). Цветаева в этом отношении является идеальным примером, в частности, Иосиф Бродский называл ее самым искренним поэтом в истории русской поэзии [Бродский 1992, 2, 399], а сама поэт подчеркивала: «Мои вещи – моя автобиография» [СС7, 651]. О феномене категории автобиографизма в творчестве Цветаевой ср. подробнее [Янчук 2013, 163–173], а о слиянии художественных и «интимных» аспектов творчества в литературе XX века ср. подробнее [Janczuk 2015, 45–55].

² Имеется в виду поэтический мир поэта или его индивидуальная картина мира. В частности, Александр Жолковский подчеркивает: «поэт имеет некоторый единый взгляд на мир и выражает его в своих произведениях, различие между которыми (...) – это просто разные переводы одного и того же комплекса идей на язык вещей» [Жолковский 1996, 213].

указывающую не только на неопределенную форму пространства, но и на нечто, имеющее для человека экзистенциальную ценность» [Лишаев 2010, 51–52]. По мнению ученого, простор указывает на «чувственно конкретную, определенную пространственную “картину”», в просторе «сконденсировано душевное волнение от встречи с особого рода формой, с формой пространства», само слово простор указывает на «определенную конфигурацию пространства». «Простор – это пространство, которое можно любить» [Лишаев 2010, 53]. При этом простор в толковых словарях представлен двумя значениями: 1. Свободное, обширное пространство и 2. Свобода, раздолье [Ожегов, Шведова 2006, online]. То есть семантика простора имеет два смысловых центра – первый, связан с тем, что человек видит, а второй – с тем, как он переживает то, что видит. При этом, как указывает Лишаев, «зрительная составляющая восприятия простора (его физика) неотделима от его метафизики, от того, что происходит в душе» [Лишаев 2010, 54]. То есть, когда мы говорим о просторе, у нас возникает представление о свободе, и наоборот – когда мы говорим о свободе, возникает картина простора.

Следует начать наш анализ с «визуальных» образов простора в творчестве Цветаевой. В русской картине мира в слове простор «обнаруживается ширина в большей степени, чем высота или глубина» [Левонтина, Шмелев 2012, 36], в семантике простора «содержится» наблюдатель, которого пространство не предполагает, «простор – всегда зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным степным пейзажем или с чистым полем» [Левонтина, Шмелев 2012, 36]. Как пишет С. Лишаев, «воспринимающий простор человек должен занимать положение, которое позволяло бы ему скользить взглядом по горизонтали, параллельно земной поверхности» [Лишаев 2010, 55]. У простора, таким образом, имеется некий исходный пункт, то есть пункт наблюдателя, а на простор человек устремляется, рвется. «Горизонтальное» измерение простора появляется уже в ранних стихах, в 1910 году Цветаева призывает спасти любовь, унося ее на простор: «На солнце, на ветер, на вольный простор/ Любовь уносите свою!» [СС1, 73]. Простор как перспектива некоторых динамических пространственных изменений появляется в поэме *Царь-девица* (1920): Царевичен челн уплывает: «На простор синих волн» [СС3, 214]. В *Молодце* (1922) простор синонимичен раздолью, шири, дали, но тоже имеет одну границу (стрела выпускается из конкретного пункта – в простор): «А и простор у нас татарским стрелам!» [СС2, 94]. В *Крысолове* (1925) дом на границе города устремляет свой взор в просторы (дом антропологизируется): «Вот он, в просторы – лбом,/ Города крайний дом» [СС3, 77]. В *Переконе* (1939) писала: «Последний двор, за ним простор» [СС3, 156].

Форма *просторы* – «это как бы широта во все стороны» [Левонтина, Шмелев 2012, 36]. Просторы статичны, то есть используются в значении раздолья, больших расстояний для совершения каких-либо действий, так в 1917 году, характеризуя творчество Анны Ахматовой, Цветаева отмечает, что ее современница пишет «о неярких просторах Рязанской губернии» [СС4, 565]. Просторы употребляются в значении некой – горизонтальной – перспективы, на фоне которой бушуют стихии:

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как –

А – в просторах – Норд-Ост и шквал. [СС2, 92–93]

В *Крысолове* особенно подчеркивается, что в просторах нельзя видеть предел, границу или даже цель: «Мертв и сгнил / Тот, кто, идучи, видит тыл / Собственный, и в просторах – порт» [СС3, 82]. В *Световом ливне* (1922) упоминает «берлинские просторы» [СС5, 231], «крымские» стихи Осипа Мандельштама поэт видела написанными: «изнутри владимирских просторов» [СС4, 154], Андрей Белый «обозревал со мной (то есть – с Цветаевой – Е.Я.) из окна свои цоссенские просторы» [СС4, 256]. В *Повести о Сонечке* (1937) Цветаева также упоминает просторы Москвы: «Сонечка жила в кресле. Глубоком, дремучем, зеленом. (...) Кресло стояло у окна, на Москва-реке, окруженное пустырями – просторами» [СС4, 313]. Позднее, среди аргументов, склоняющих Цветаеву вернуться в Россию, был главный: «Наконец – природа: просторы. Это – за» [СС6, 433]³.

Важнейшей особенностью простора является отсутствие границ, препятствий, тесноты (пространство может быть замкнутым). Цветаева писала: «любовь к простору есть любовь к отсутствию препятствий» [СС5, 448]. Это значение особенно проявляется в производных от простора словах – просторный, просторно⁴. У Цветаевой мы находим характеристику мест и

³ Следует заметить, что у Цветаевой отношения с природой не связаны с визуальными впечатлениями (что, в частности, отразилось на полном отсутствии в ее поэзии описательных характеристик природы), просторы природы вызывают метафизические соотнесения: «Природа – избыток, а каждый избыток, кроме человека (не людей!) меня подавляет. С природой я не сливаюсь, не обретая ее, теряю себя, пропадаю в ее пустоте, – у-ми-ра-ю. Люблю поля – просторы, (растравительно, но люблю), – люблю поля, как смерть (2), как церковь (1). Для других Природа – Бытие, для меня – Небытие» [НЗК1, 157].

⁴ Что характерно, просторность у Цветаевой связывается со светом: «Где просторно, там не черно. Чернота – гуща» [СС4, 439]. Писала также об осени как любимом времени года: «Осень, конечно, с просветами и просторами, со сквозью, (...)» [СС7, 388].

стран: «Стран просторных / Гост» [СС3, 608]. Или в 1933 в письме к Вадиму Рудневу пишет: «до тоски хочется новых мест, и не столько новых, как – просторных!» [СС7, 446], в письме Анне Тесковой (1936) вспоминает: «чудное просторное лесное кладбище» [СС6, 443], в *Стихах к Чехии* (1938) заглавную страну характеризует как: «Полон и просторен / Край» [СС2, 346], или в 1941 г. сокрушается: «Жаль будет района, просторного и тихого» [СС7, 754].

Просторными могут быть характеристики и оценки помещений: о доме в Борисоглебском переулке, в котором жила с 1914 по 1922, Цветаева, в частности, писала: «Все было огромное, просторное, запущенное, пустынное, на простор и пустоту помноженное» [СС4, 357]. Кроме того, находим: «Погреба просторные» (1920) [СС3, 216], проемы окон: «Вишу в окне. – Москва в кругу просторном» [СС1, 530], дома: «Огромный богатый особняк во Франции. (...) Простор, блеск и свет богатого дома (богатства)» [НСТ, 314], комнату Макса Волошина: «Была большая просторная комната» [СС4, 201], съемную квартиру в Кламаре, на которую переехала в 1933 году: «очень спокойную и просторную, (...) У меня своя комната, где даже можно ходить» [СС6, 404], съемную мансарду: «Сняли мансарду – просторное, но – пекло, пекло – но просторное – и дешевое» [СС6, 425].

Визуальные характеристики просторности появляются в описаниях тела или его частей, одежды, например, плечи: «За плечьями-просторами / Разошлась двумя крыльями / Рать золотоперая...» [СС3, 259], лоб: «Искала я над лбом своим просторным / Звезд только, а не глаз» [СС1, 533]; лицо: «Испански же женское лицо – самое ненациональное из национальных, представляющее наибольший простор для человеческого лица в его общности и единственности» [СС4, 329], грудная клетка: «Ваша грудная клетка (дорогая!) меня вынесла, – нет! – чтобы мне было просторно в ней, РАСШИРЬТЕ ее – не ради меня: случайности, а ради того, что через меня в Вас рвется». [НСТ, 101]. Просторность одежды отрока становится метафорой шумящего кронами леса, вызывая сложный визуальный образ:

Это – в платье просторном
 Отрок, нектаром вскормлен.
 Это – сразу и с корнем
 Ввысь сорвавшийся лес! [СС2, 145]

Образ просторного платья вызывает ассоциации с душой адресата письма Цветаевой (С. Андроникова-Гальперн, 1932): «У меня чувство, что я видела во сне Вашу душу. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье, непрерывно создаваемом Вашим телом: телом Вашей души» [СС7, 151].

По мнению И. Левонтиной и А. Шмелева, простор – «это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда есть где разгуляться» [Левонтина, Шмелев 2012, 37]. Достаточно рано, в 1914 году, в сознании Цветаевой, простор начинает утрачивать «зрительный» компонент своего значения. Цветаева акцентирует в использовании образа простора значение свободы, раздолья, поскольку, как пишут И. Леонтьева и А. Шмелев: «Без простора нет покоя, без простора – душевная теснота. Только на просторе человек может быть самим собой» [Левонтина, Шмелев 2012, 39]. У Цветаевой наличие или отсутствие простора становится прочной характеристикой людей и отношений с ними. Так в поэме *Чародей* появление заглавного героя сопровождается переменной внутренних ощущений пространства: «И зала делалась просторней, / И у’же – грудь» [СС3, 6]. Простор характеризует реальных людей (1921): «Жена [Магеровского] (...) Очень спокойная (...) – просторная» [СС6, 172]. Признавалась в любви к «Блоку просторов» [СС6, 260], а также в любви к простонародью «везде на просторе и в веселье» [НЗК1, 333]. Позднее в своем сыне отмечала «страсть к простору – которого нет» [СС6, 397]; о приятельнице писала: «Была у меня здесь в гостях мой – уже старый: 10 лет! – и верный друг, А. И. Андреева, наслаждалась простором и покоем» [СС6, 414]. В поэзии простор связывается со значением неизвестности, неопределенности человека, в *Сугробах* (3, 1922):

Простор-человек,
Ниотколь-человек,
Сквозь-пол – человек,
Прошел-человек. [СС2, 103]

В отношениях ценит простор: «Мне с Вами просторно» [СС6, 619]. Этот простор приобретает метафизическое – не визуальное – измерение (1924): «Я Вас люблю (...), но между нами – опять простор – тех набережных, по которым мы ходили ровно год назад, простор – неизбежный для виденья и слышанья друг друга» [НСТ, 421]. О. Колбасиной-Черновой (1925) жаловалась на отсутствие этого необходимого ей для полноты жизни простора: «Я ведь всегда на людях, (...). Одиночество и простор, – этого до смешного нет» [СС6, 753].

Простор становится элементом автохарактеристики, при этом он не означает абсолютной, если можно сказать, «анархической» свободы «без креста». Для Цветаевой некий «метафизический» закон есть: «Только в обруче огромного закона / Мне просторно – мне спокойно – мне светло»

[СС1, 370]. Неудивительно, что Цветаева в Германии, стране правил и регламентов, чувствовала себя просторно:

Притеснен в Германии только притесняющий, т. е. распространяющийся – внешне – за указанный ему предел, пространственный ли, временной ли. Так, например, играя в своей комнате на флейте позже 10 часов, я распространяюсь за предел временной, установленный общежитием, и этим тесню соседа, в самом точном смысле стесняю (укорачиваю) его сон. (...) Мне, до какой-то страсти равнодушной к внешнему, в Германии просторно [СС4, 552].

Простор используется как собственно автохарактеристика: «А обо мне зайдет, скажи: просторы» [НСТ, 88], что уточняет: «Мне важно, чтобы любили не меня, а мое „Я“, ведь это включается в мое. Так мне надежнее, просторнее, вечнее» [СС6, 570]. Простор Цветаева относит к важнейшим характеристикам своей природы: «Я сейчас поняла: с Э<ренбургом> у меня было Р, моя любимая (мужественность!) буква: дружба, герой, гора, просторы, разлука: всё прямое во мне» [НСТ, 97]. Что характерно, 6-летний сын поэта Мур сказал: «Я напишу, что моя мать любила негров – деревья – простор...» [НСТ, 458]. В зрелые годы, чтобы обеспечить уют, Цветаева могла почувствовать себя просторным помещением – замком, в письме Анатолию Штейгеру (1936) писала: «Я себя сейчас чувствую своим замком, в котором Вы живете. Пустынно, огромно, сохранно и обнимающе Вас со всех сторон – но таким просторным объятием! – и сколько в нем места, и Вы всюду можете ходить, и нет запретной комнаты (...)» [СС7, 577]. Позднее, в августе 1938, будет уверена: «со мной спокойно – и просторно» [СС7, 528].

Здесь следует указать на то, что противопоставление тесноты и простора становится у Цветаевой еще в ранних недатированных стихах особой риторической фигурой. В это противопоставления вовлекается как «зрительная» сторона простора, например, субъективная теснота комнат зимой противопоставляется простору полей (1917):

И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля –
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля [СС1, 364],

так и его эмоционально-чувственная сторона, в частности, уютная повседневность противопоставляется скитальничеству: «Им очаг и бремя плуга, / Нам простор и зелень луга...» [СС1, 165]. Особая жажда простора появляется в условиях тесноты, в частности, в *Поэме Лестницы* (1926) пишет: «Теснота

ищет – простора / (Автор сам в рачьей клешне)» [СС3, 130]. В эссе *Наталья Гончарова* (1929) мастерская художницы также описывается с использованием контраста: «Первое: свет. Второе: пространство. После всего мрака – весь свет, всей стиснутости – весь простор. (...) После этого света – тот» [СС4, 68]. Противопоставляется теснота могилы и простор того света: «Стояла на его могиле и думала: здесь его нет, и там его нет: здесь – слишком местно (тесно), там – слишком просторно» [НСТ, 501]. Простор у Цветаевой связан с пустотой и покоем, как пишет С. Лишаев: «Пустота простора впускает. На просторе пространство воспринимается как впускающее, то есть как дающее место и саму возможность присутствия. Впускает то, что не занято, пусто. Впускает, дает место ни-что, пустота» [Лишаев 2010, 58]. Цветаева в *Наталье Гончаровой* (1929) описывает свое представление о рае, объединяя в этом образе пустоту, покой, свет и простор: «Рай прежде всего место пусто. Пусто – просторно, просторно – покойно. Покойно – светло. Только пустота ничего не навязывает, не вытесняет, не исключает. Чтобы всё могло быть, нужно, чтобы ничего не было» [СС4, 68].

У Цветаевой появляются и окказиональные противопоставления, в частности: «Слава и деньги. Слава – как широко – просторно – достойно-плавно. (...) Деньги – как мелко – жалко – бесславно – суетно» [СС5, 286].

В 1925 году контраст тесноты и простора будет использован для противопоставления жизни и творчества, а также для объяснения, почему она выбирает творчество:

Всякая жизнь в пространстве – самом просторном! – и во времени – самом свободном! – тесна. (...) Поэтому – искусство (...) Из этого – искусство, моя жизнь, как я ее хочу, не незаконная, но подчиненная высшим законам, жизнь на земле, как ее мыслят верующие – на небе. Других путей нет. [СС6, 670]

Важно также подчеркнуть, что в русской культуре «простор рассматривается как чувственная данность, с которой сопряжен сверхчувственный («духовный») опыт» [Лишаев 2010, 54]. Цветаева осознавала это духовное измерение простора, которое в ее творчестве появляется очень рано. Цветаеву простор однозначно манит: он обнаруживается и впереди, и вверху, воспринимается как перспектива бесконечности, идеальности, подвига, в письме 1908 г. Марина писала: «стремление вверх, к звездам, (...), жажда простора и подвига – вот что движет жизнь вперед, делает ее сверкающей, сказочной» [СС7, 718]. То есть у Цветаевой духовное измерение простора практически с юности помещалось вверху, что фактически нарушало устоявшуюся русскую традицию восприятия простора, на котором, как отмечает С. Лишаев,

«доминирует горизонталь, вертикаль задействована на второстепенных ролях» [Лишаев 2010, 57]. В ранних стихах Цветаевой уже обнаруживается новое свойство простора – высота, которая противопоставляется глубине моря:

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне. [CC1, 148]

Это значение простора – вдали и вверху – появляется в *Крысолове*: «Вот он, в просторы стай, / Города самый край» [CC3, 106]. Что характерно, у Цветаевой простор может быть и перспективой, открывающейся сверху: «Не хочет дождь на грешные просторы!» [CC1, 558].

Со временем просторы неба приобретают значение того света: «Уплочено же – вспомани мои крики! – / За этот последний простор» [CC2, 183]; или: «Там, в просторах голубиных – / Сколькo у меня любимых!» [CC1, 567]; В *Разлуке* (3) писала:

Я в смерти – нарядной
Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора! [CC2, 27]

В *Молодце* (1922) смерть связывается с просторными просторами:

Как на отдых тот на грозный
Пронесли троих – розно:
Двоих – в садик во крестовый,
А Марусю – во просторы.
В те простор – ны – и. [CC3, 302]

Атрибуты смерти получают характеристики просторности: «Этот просторный покров / Юным к лицу» [CC2, 96]. После жизни предполагается простор вечности: «(..) (А не плохой глагол – // Быть? Без всякого приставного – / Быть и точка. За ней простор.)» [CC2, 260]. Потерянность, анонимность в новой атмосфере чужой страны соотносится именно с простором и тем светом: «Здесь очень хорошо жить: *не* город (тот или иной) – *Безымянность* – просторы! Можно совсем без людей. Немножко как на том свете» [CC6, 224–225]. В контексте смерти (эссе *Твоя смерть*, 1927) слово *просторно* приобретает особое значение – полного освобождения от материального: «Отказ от насущного во имя того, излишка. Отказ от себя и всех во имя того,

одного. И всем просторно. Только отказаться – всего много станет» [СС5, 200]. Это же значение простора появляется в *Хлыстовках* (1934):

Это был вход в другое царство (...) И, вдруг, озарение: а ведь не вход, не переход – выход! (...) И не только из города Тарусы выход, – из всех городов! Из всех Тарус, стен, уз, из собственного имени, из собственной кожи – выход! Из всякой плоти – в простор. [СС5, 93]

Характерно, что вместе с появлением у простора значения того света – в 1922 году – Цветаева пишет о просторах души, времени (ночи), мысли: «Я даже не знаю, есть ли Вы в моей жизни? В просторах души моей (...) – нет» [НСТ, 92], или: «Но у меня и другое было: моя высокая жизнь с друзьями “в просторах души моей”» [НСТ, 259]. В это же время простор появляется у времени, Цветаева пишет о просторах ночи: «с тобой мне нужны все тесноты логова и все просторы ночи. Все тесноты и просторы ночи» [НСТ, 95], у мысли: «Ваша дрожь от холода. (...): потому что пришлось три часа поспевать за мной по пустынным улицам столицы и не менее пустынным просторам моей мысли» [СС5, 471].

Простор также коррелируется с творчеством, что можно объяснить содержащимся в нем «чувством возможности: возможности быть там или здесь, двигаться в том или ином направлении», «когда мы переживаем (...) начало, из которого пространство разворачивается перед нами, мы имеем дело (...) с возможностью самих себя, с тем, благодаря чему мы присутствием в мире» [Лишаев 2010, 60]. С. Лишаев считает, что «через простор человек вступает в отношения к Другому, к безусловно особенному в себе. Что способно дать человеку радость от созерцания открытого горизонта? Другое» [Лишаев 2010, 61]. Ощущение свободы и потенциальности, присутствующее в просторе слова, Цветаева начала эксплуатировать в самом раннем творчестве, писала в 1908 году:

Громкие красивые слова выражают громкие, дерзкие мысли! Я безумно люблю слова, их вид, их звук, их переменность, их неизменность. Ведь слово – всё! За свободное слово умирали Джордано Бруно, (...) раскольник Аввакум, за свободное слово, за простор, за звук слова «свобода» умерли они (...). [СС7, 731]

Просторы – это также мир, созданный творческим преображением: «Есть мир, где мы с Вами встречаемся: песня! (...) Буду пересылать Вам свои стихи: преображенную – настоящую! – жизнь, буду писать Вам. Есть мир просторов» [СС6, 612]. В письме Александру Бахраху в сентябре 1923 года писала:

«Есть, кроме страстей, еще и просторы. В просторах сейчас наша встреча с Вами» [СС6, 608].

Простор становится также качеством, особенностью стиля любимых писателей Цветаевой, в частности, характеризует стиль кн. Сергея Волконского: «Дыхание кн. Волконского глубоко и высоко, в ритме его спокойно и просторно, как хорошему пловцу в полноводной реке» [СС5, 267]. В творчестве других художников также ценит присутствие простора: «А из Пушкина больше всего, вечнее всего люблю *К морю*, (...). И “версты полосаты”, и там, где про кибитку: Пушкина в просторах» [СС6, 639]. В творчестве знакомых и даже близких ей поэтов простор является критерием оценки творчества: «В Брюсове тесно, в Бальмонте – просторно. Брюсов глухо, Бальмонт: звонко». И далее: «Служение Брюсова коммунистической идее не подневольное: любовное, Брюсову в СССР, как студенту на картине Репина – “какой простор!”. (Ширь – его узостям, теснотам его – простор)» [СС4, 59]. Простор сам может быть пределом, Цветаева писала о поэтах, «к которым новая молодость приходит в старости. Трилогия страсти Гёте написана семидесятилетним стариком! Все дело в новизне взгляда, во вновь открывающихся горизонтах, вслед за просторами преодоленными» [СС5, 399–400]. В *Поэте-альпинисте* (1934) замечала о поэзии Николая Гронского: «где это я уже слышала? (...). В ком, в какой такой же реке, мне уже так просторно и надежно плылось и покоилось?» [СС5, 439].

Атрибуты творчества у Цветаевой также теряют предметную конкретность: «Стол: простор. Стол: престол» [НСТ, 245]. К этому образу она вернется через десять лет в цикле *Стол* (1933):

Столп столпника, уст затвор –
Ты был мне престол, простор –
Тем был мне, что морю толп
Еврейских – горящий столп! [СС2, 310]

И далее:

– А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой вес,
Просторный, – во весь мой бег,
Стол – вечный – на весь мой век! [СС2, 313]

В конце концов, просторы сами становятся субъектом действия – в *Перекопе* (1939): «Просторы мчат / Саперы мчат / Костровый чад / Махровый чад» [СС3, 171].

Подводя итоги, следует отметить, что идея простора не была для Цветаевой объектом специальной рефлексии, какими стали такие метафизические мотивы ее творчества как жизнь, смерть, дом, бездомность, Бог и другие, однако простор становится достаточно прочной характеристикой пространства жизни и пространства смерти, простор она находила в действиях и предметах, в людях и отношениях с людьми, в себе самой, что давало ей возможность – в том числе, через простор – вступить в отношения со сферой, находящейся за границей действительности, со сферой метафизического. Перефразируя Цветаеву, можно сказать, что тягую к простору можно измерить уровень личности. Иными словами, «простор – это эстетическое расположение, в котором человек откликается (своим переживанием) на откровение Другого. Открывая простор как безусловно особенное, мы открываем особенное в себе» [Лишаев 2010, 61].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бродский Иосиф. 1992. *Об одном стихотворении*. В: Бродский И. *Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы*. Т. 2. Минск: Эридан: 396–449.
- Жолковский Александр. 1996. *Место окна в поэтическом мире Пастернака*. В: Жолковский А., Щеглов Ю. *Работы по поэтике выразительности*. Москва: Прогресс: 209–239.
- Левонтина Ирина, Шмелев Алексей. 2012. *Родные просторы*. В: Левонтина Ирина, Шмелев Алексей, Зализняк Анна. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Москва: Языки Славянских Культур: 35–44.
- Лишаев Сергей. 2010. *Пространство простора*. «Вестник Самарской гуманитарной академии». Серия «Философия. Филология» № 2 (8): 50–69. (online) <https://cyberleninka.ru/article/v/prostranstvo-prostora> (доступ 22.10.2019).
- Ожегов Сергей, Шведова Наталья. 2006. *Толковый словарь русского языка*. Москва. (online) <https://slovarozhegova.ru> (доступ 22.10.2019).
- Ушаков Дмитрий. 1928–1940. *Толковый словарь русского языка*. Москва. (online) <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=60859> (доступ 22.10.2019).
- Цветаева Марина. 1994–1995. *Собрание сочинений*. Т. 1–7. Москва: Эллис Лак [СС].
- Цветаева Марина. 1997. *Неизданное. Записные книжки*. Т. 1–2. Москва: Эллис Лак [НЗК].
- Цветаева Марина. 1997. *Неизданное. Сводные тетради*. Москва: Эллис Лак [НСТ].
- Янчук Елена. 2013. *Автобиографизм как механизм творчества Марины Цветаевой*. В: *Epoka a literatura i język w Słowiańszczyźnie Wschodniej*. Red. Ksenicz A., Stasińska P., Bielniak N., Urban-Podolan A. Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego: 163–173.
- Janczuk Elena. 2015. *Fenomen przeszłości: między historią a pamięcią (o literaturze dokumentu osobistego)*. „Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej nr 8: 43–55.
- Kasperski Edward. 2001. *Autobiografia. Sytuacja i wyznaczniki formy*. W: *Autobiografizm – przemiany, formy, znaczenia*. Red. Gosk H., Zieniewicz A. Warszawa: Elipsa: 10–34.

REFERENCES

- Brodskij Iosif. 1992. *Ob odnom stihotvorenii* [About one poem]. In: Brodskij I. *Forma vremeni. Stihotvorenjá, èsse, p'e p'esy* [Form of time. Poems, essays, plays]. Vol. 2. Minsk, Èridan Publ., pp. 396–449. (In Russ.)
- Cvetaeva Maryna. 1994–1995. *Sobranje sočynenyj* [Collected works]. Vol. 1–7. Moscow, Əllys Lak Publ. (In Russ.)
- Cvetaeva Maryna. 1997. *Nejzdannoe. Svodnyé tetrazy* [Unpublished. The summary notebook]. Moscow, Əllys Publ. (In Russ.)
- Cvetaeva Maryna. 1997. *Nejzdannoe. Zapysnyé knyžky* [Unpublished. Notebook]. Vol. 1–2. Moscow, Əllys Lak Publ. (In Russ.)
- Janczuk Elena. 2013. *Avtobiografizm kak mehanizm tvorčestva Mariny Cvetaevoj* [Autobiographism as a mechanism of Marina Tsvetaeva's creativity]. In: *Epoka a literatura i język w Słowiańszczyźnie Wschodniej*. Eds Ksenicz A., Stasińska P., Bielniak N., Urban-Podolan A. Zielona Góra, Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego Publ., pp. 163–173. (In Russ.)
- Janczuk Elena. 2015. *Fenomen przeszłości: między historią a pamięcią (o literaturze dokumentu osobistego)*. "Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej" no 8, pp. 43–55. (In Polish)
- Kasperski Edward. 2001. *Autobiografia. Sytuacja i wyznaczniki formy*. In: *Autobiografizm – przemiany, formy, znaczenia*. Eds Gosk H., Zieniewicz A. Warsaw, Elipsa Publ., pp. 10–34. (In Polish)
- Levontina Irina, Šmelev Aleksej. 2012. *Rodnye prostory* [Native spaces]. In: Levontina Irina, Šmelev Aleksej, Zaliznâk Anna. *Konstanty i peremennye russkoj âzykovej kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Âzyki Slavânskikh Kul'tur Publ., pp. 35–44. (In Russ.)
- Lišaev Sergej. 2010. *Prostranstvo prostora* [Space of expanse]. "Vestnik Samarskoj Gumanitarnej Akademii". Seriâ "Filosofiâ. Filologijâ" no 2 (8), pp. 50–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/prostranstvo-prostora> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Ožegov Sergej, Švedova Natal'â. 2006. *Tolkovyj slovar' russkogo âzyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Available at: <https://slovarozhegova.ru> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Ušakov Dmitrij. 1928–1940. *Tolkovyj slovar' russkogo âzyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=60859> (Accessed 12 December 2019). (In Russ.)
- Žolkovskij Aleksandr. 1996. *Mesto okna v poëtičeskom mire Pasternaka* [The window's place in the poetic world of Pasternak]. In: Žolkovskij A., Šeglov Ū. *Raboty po poëtike vyrazitel'nosti* [Works on poetics of expression]. Moscow, Progress Publ, pp. 209–239. (In Russ.)